

*Инна
Бачинская*

Читайте романы Инны Бачинской в серии

Детектив
сильных страстей

Две половинки райского яблока
Мужчины любят грешниц
Любимая игрушка Создателя

Сериал «Детективный триумвират»
Лучшие уходят первыми
Убийца манекенов
Бородавки святого Джона
Шаги по воде
Лев с ножом в сердце
Свой ключ от чужой двери
Вторая невеста
Девушка сбитого летчика
Ищи, кому выгодно
Потревоженный демон
Стеклянные куклы
Пепел сердца

Сериал «Дикие лебеди»
Магия имепи
Голос ангельских труб
Танец на тлеющих углях
Поджигательница звезд
Ритуал прощения врага
Знак с той стороны

Сериал «Королевская охота»
Японский парфюмер
Два путника в ночи
Дом с химерами
Темный ангел одиночества

Сериал «Бюро случайных находок»
Ошибка бога времени
Маятник судьбы
Конец земной истории
Тринадцать ведьм
Мадам Осень

*Мнна
Бачинская*

Конец
земной истории

Москва
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б32

Оформление серии *Ф. Барбышева, А. Саукова*

Иллюстрация на обложке *Ф. Барбышева*

Бачинская, Инна Юрьевна.

Б32 Конец земной истории : [роман] / Инна Бачинская. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с.

ISBN 978-5-699-96447-5

В «Бюро случайных находок», открытое ясновидящим и волхвом Олегом Монаховым, обратилась странная девушка Лика и рассказала, что в семье ее отца, знаменитого режиссера Левицкого, одна за другой произошли две трагедии: гибель в автоаварии молодой жены режиссера и убийство его сестры. Экзальтированная девица, актриса по профессии и по жизни, утверждала, что вскоре случится еще одна смерть, если не вмешается Монахов. Он скептически отнесся к словам взбалмошной девчонки, но отправился с ней в гости в дом Левицких просто из интереса — ему любопытно было взглянуть на знаменитого режиссера и его семью. Напрасно Монах не поверил в предчувствия Лики — во время застолья в доме внезапно погас свет, и новое убийство все-таки произошло...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-96447-5

© Бачинская И.Ю., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

Все действующие лица и события романа вымышлены, любое сходство их с реальными лицами и событиями абсолютно случайно.

Автор

Глава 1

Тайное свидание

...Я люблю, я люблю, я люблю, я люблю,
Не проходит любовь у меня...
Я люблю, я люблю, я люблю, я люблю,
Твои пальцы браслет тербят...
Я люблю, я люблю, я люблю, я люблю,
Но сейчас, вот сейчас ты уйдешь...
Я люблю.

Шарль Азнавур

Ливень стеной, шквальный ветер, охапки желтых листьев бьют в стекло, всполохи молнии, рев грома. Женщина каждый раз вскрикивает, мужчина прижимает ее к себе, шепчет что-то утешительное, целует. Она обнимает его, отвечает на поцелуй, шепчет:

— Навсегда?

— Навсегда! — отвечает он. — До тех пор, пока смерть не разлучит нас.

— Не надо про смерть! Смерти нет! Мы навсегда!

— Не буду. Ты меня любишь?

— Я подумаю. Я подумаю!

– Ах так! Ну, держись! Сейчас выброшу в окно!

Это вроде игры, всякие фразочки: «Ты меня любишь?», «Навсегда?», «На всю оставшуюся жизнь?», «Да, да, да!», «Ты один!», «Навсегда!» Шуточки, подколки, радостный глупый смех без причины. Они ласкают друг дружку словами – разными, смешными, придуманными, производными и не существующими в природе словечками, интонацией. Эту игру придумала она, и он, сдержанный на слова и жесты, жесткий, грубиян и драчун, принял. Пробует слова на слух, постигает тонкую сладость любить словами. Просто любить, а не трахаться. Она многому его научила за столь короткое время, за короткую их историю, и ему уже кажется, они вместе всю жизнь. Часы и дни разлуки непереносимы, ему страшно, что она может пропасть, исчезнуть, попасть под машину, разбиться, принять яд и умереть. Она сказала однажды: «Я уже хотела уйти, насовсем... И ушла бы! А тут ты».

Банальное уличное знакомство. Она уронила сумочку – оборвалась ручка, щелкнул замок, и косметика, шоколадка, салфетки, солнцезащитные очки, деньги вывалились прямо ему под ноги. Он отпрыгнул, чтобы не раздавить яркие тюбики и футлярчики, взглянул на нее, она улыбнулась и... он пропал. Потом они сидели в уличном кафе, и он из шкуры лез, чтобы ей понравиться. Она бледно кивала, через силу улыбалась; не разрешила себя проводить. Но он все равно увязался, тайно, не понимая, зачем. Чем-то она его зацепила – то ли безрадостными глазами, то ли бледной неяркой красотой. Красотой? В том-то и дело, что... непонятно. Непонятно, красота ли. Да и неважно. Он думает о ней постоянно, ночью и днем, испытывая жалость, страх и ненависть. Ненависть к ее мужу, к ее дому, к ее кругу...

Они столкнулись через пару дней, совершенно случайно, как думала она, не подозревая, что он дежурил у ее дома. Он привел

Конец земной истории

ее к себе, в свою небогатую квартиру. Жадно впился в ее губы — в прихожей, — стиснул, сдавил, потерял голову. Она была даже не в его вкусе — длинная, тонкая, бледная; если бы он был образован, то сказал бы «готика». В его кругу про таких говорят «оглобля». Да, видать, было в ней что-то — беззащитность, покорность... черт знает что!

Она подчинялась, не отталкивала его руки, позволила...

Уже потом, через месяц примерно, он предложил ей уйти, но она только покачала головой. Ты его не знаешь, сказала. Найдет, выследит, убьет. Тут надо по-другому. Подожди. Подожди. Подожди.

— Хочешь, я его убью? — спросил он.

Она закрыла ему рот рукой.

— Дурачок, ну что ты несешь? Убьет он! А потом? Сядешь? А я? Ты обо мне подумай!

До боли знакомая история. Молодая жена, вещь своего мужа — старого богатого деспота и насильника. И молодой, нетерпеливый, голодный любовник с горящими глазами. Пожар в крови, страсть, желание — ненасытное, яростное, до черных мушек в глазах, пересохшие губы и пропавший голос! Ревность. А она — вещь. Чужая вещь. А чужую вещь трогать нельзя, с преступников спрос особый. Вора́м отрубали руки... когда-то.

— Давай не будем, — просит она. — Мы вместе, спасибо и на том. Я живу тобой, будем благодарны за любую малость.

— А что дальше? — спрашивает он в который раз. — Я схожу с ума, ты с ним ночью, он тебя...

Получилось грубо, но образно, и его скрутило от ревности. Слово — сильное оружие. Он почувствовал ее пальцы на губах, она заставляет его замолчать. Он вообще грубоват, незатейлив, что думает, то и говорит. Простой парень из предместья. Она — деликатнее, мягче...

— Нет, — сказала она. — Давно уже нет, у нас и спальни раздельные.

Он знает, что она врет, он ни капельки не верит ей, он ни за что не поверит... Ревность — о, это страшное ревущее чудище с зелеными глазами! Он проводит руками по гибкому длинному тонкому телу подруги, касается груди, ласкает, мнет... Она обвивается плющом, дальше — взрыв!

...Они лежат обессиленные, влажные, бездыханные. Разбросав руки, закрыв глаза.

— Я убью его, — говорит мужчина. Женщина молчит...

Он поворачивается к ней, хватая ее за плечо, притягивает к себе. Она вскрикивает от боли. Он испуганно отпускает — что? Присматривается и видит... синяки на плече, шее, спине... Она отпихивает его руки, хватая простыню, закрывается.

— Он тебя бьет? — глухой от ненависти и ярости голос.

Она тихо плачет, стараясь не всхлипывать. Они молчат. Он лежит, уставясь в потолок, сжимая кулаки, подыхая от ненависти, боли, любви.

— Он знает про нас, — говорит она безжизненным голосом. — Он меня убьет.

— Нет, — отвечает он. — Он тебя не убьет. Потому что я убью его первым. Молчи! Ты женщина, ты слабая. Решать буду я. По-няла?

Она покорно молчит...

Глава 2

Убийство старой дамы

Не очень молодая женщина в теплом плаще с тяжелыми сумками поднималась в лифте на четвертый этаж, сосредоточенно подсчитывая в уме, сколько ушло на продукты, сколько — на сти-

ральный порошок и мыло, сколько — на коммуналку. Соображала, что еще надо прикупить. Не сегодня, и так руки чуть не оборвала, и ноги не казенные. Завтра. Или послезавтра. Нина Владимировна будет недовольна, характерец еще тот, выскажет, что думает. А ты стой дура душой. Ладно, не впервой, пусть говорит. Зато деньги хорошие.

Она оперлась плечом о стенку; лифт трясся и дребезжал, того и гляди оборвется. Приличный вроде дом, а лифт — барахло. Если бы не четвертый этаж да не сумки, то можно и пехом.

Она отперла дверь, грохнула сумки об пол, стала раздеваться. Потачилась на кухню, удивляясь, что Нина Владимировна не окликнула, не позвала, не потребовала доложиться. Перегрузила продукты в холодильник, включила электрочайник. И пошла к хозяйке с отчетом.

Она застыла на пороге гостиной, удерживая рвущийся из горла вопль. Ее хозяйка лежала на полу у дивана лицом вниз, и вокруг ее головы растекалась темная лужица крови. Длинная синяя кофта, широкие домашние брюки; разбросанные руки, на безымянном пальце левой руки обручальное кольцо. Вдова. Уже двадцать лет. Сдвинутый журнальный столик, упавшие на пол две книги и журнал — видимо, Нина Владимировна, падая, толкнула его. Завернувшийся угол ковра. Комната как сцена — много света, за окном — яркий солнечный день, гардины раздвинуты...

Дрожащими пальцами женщина — ее звали Елена Степановна — набрала номер, да так и осталась стоять, опираясь плечом о дверной косяк, стараясь не смотреть на неподвижное тело, распростертое на полу, и не решаясь уйти вон. Ей было страшно, она плакала и тихонько подвывала. Дверной звонок заставил ее вскрикнуть. Приехали четверо; старший отрекомендовался май-

ором Мельником. Они протопали через прихожую и сгрудились на пороге гостиной...

— Как вас зовут? — спросил майор.

— Елена Степановна Ухова, я у Нины Владимировны работаю по дому. Прихожу через день, убираю, готовлю, покупаю продукты. Вчера не работала, сегодня закупились и пришла, а она... ее... — Она замолчала.

— Что вы можете сказать о вашей хозяйке?

— Зовут Нина Владимировна Сидакова, лет двадцать как на пенсии, работала судьей, все знакомые оттуда. Иногда приходят, тоже судьи, юристы, в карты играют. Мне помогла с адвокатом, когда сын попал в аварию. Интересуется... — Она охнула и закрыла рот рукой. — Интересовалась политикой, много знакомых, вечно разговаривала по телефону или по компьютеру, в театр ходила, на выставки, читала много. А летом на море. Крепкая еще, хоть и в возрасте, модой интересовалась, любила хорошо одеться... Пенсия хорошая, да и сбережения есть. Иногда продавала картины, от мужа остались, известный художник был.

Нина Владимировна Сидакова была убита ударом по голове тяжелым округлым предметом, возможно обрезком трубы. Удар пришелся в левый висок, смерть наступила мгновенно. По предварительному заключению судмедэксперта Лисицы, небольшого седого человека с приятным выражением добродушной готовности внимать и соглашаться на лице, убита Сидакова была около пятнадцати часов назад, то есть примерно в семь вечера накануне. Домработница не знала, ожидала ли хозяйка гостей, скорее всего, нет, так как продуктов в холодильнике совсем мало. То есть тот, кто навестил старую даму вчера вечером, был кем-то незначительным — просителем, возможно. Профессиональных связей Нина Владимировна не рвала и знакомства в судейской

сфере имела самые широкие, к ней всегда кто-то обращался. «Одного с другим сводила, и всем выгода», — с намеком сказала домработница. Тем более ни кофе, ни печенье не подавались. Случайный проситель, должно быть.

Следы грабежа выявлены не были, деньги на месте, ценности — золото, несколько вещей с бриллиантами, три шубы, картины покойного мужа, несколько старинных бронзовых фигурок, латунные подсвечники — все на месте.

Нина Владимировна, оказывается, увлекалась астрономией. В спальне стоял на штативе телескоп — красивая блестящая игрушка. Елена Степановна вздохнула: «Нина Владимировна все вечера просиживала, все в небо смотрела, говорила, что это чудо! Мне предлагала посмотреть, да все как-то не получилось... Новая труба, недавно купленная, дорогущая! Нина Владимировна очень гордилась. И книг тоже накупила про звезды...»

Все осталось на месте. Похоже, убийца пришел убить, и убил. После чего ушел, унеся с собой орудие убийства.

Соседи никого не видели. Говорили они с майором Мельником неохотно, и у него зародилось подозрение, что жертву в доме недолюбливали. Домработница, помявшись, согласилась, что действительно, не особенно любили, потому как у Нины Владимировны был *характер*. Не только не любили, но и побаивались, как дети, так и взрослые. Она была строгая, делала замечания, отчитывала, угрожала законом. Пьянчужка из квартиры напротив боялся ее как огня, а дворник брал под козырек. Она отчитывала матерей за шалости детей, мужиков за машины, запаркованные под окнами, вызывала полицию к соседям, которые «гуляли» после одиннадцати. И прозвище у нее было соответствующее: Мегера.

— Возможно, кто-то из соседей? — предположил майор Мельник. — С кем были проблемы в последнее время?

Елена Степановна беспомощно пожала плечами и пробормотала, что проблемы были всегда, но не до смертоубийства же...

Жертва была личностью неординарной во всех отношениях: писала маслом пейзажи, но картины не вешала на стенку, а прятала в кладовку; зимой купалась в проруби, а летом каждое утро в шесть часов совершала заплыв на ту сторону речки; не ела мяса, вела здоровый образ жизни, но зато пила много кофе; собирала марки. Над письменным столом в кабинете висела большая картина в богатой раме: яркий солнечный день, голубое небо, женщина в светлой короткой юбочке — молодая, стремительная, с теннисной ракеткой в правой руке, мячик в левой, колени полусогнуты, глаза прищурены — так и кажется, сейчас разогнется и влепит по мячу. Хороша! Чувствуется характер. Муж?

На письменном столе ноутбук последней модели. Фотографии в красивых рамочках: с мужем в парке; на море, в ярком сарафане; за границей, видимо, улицы не наши; с молодой женщиной на диване, на журнальном столике — чашки, в вазочке печенье...

В ящике письменного стола, среди бумаг покойной, были обнаружены три почтовые открытки, полученные в течение двух последних недель. Какие-то цветочки, все разные. Вместо текста стояли лишь цифры «1983», видимо год. Обратного адреса не было. На всех трех один и тот же год. И больше ничего. Шариковой ручкой, черными чернилами. Версия напрашивалась сама собой — месть. Майор Мельник прикинул, сколько времени займет поднять в архивах все дела судьи Сидаковой за тысяча девятьсот восемьдесят третий год, и застонал мысленно. Тогда ей было... прикинул он, около сорока. Больше тридцати лет назад! Кто-то очень долго ждал. Хоть и говорят, что месть — блюдо,

Конец земной истории

которое подают холодным, но тридцать с гаком... не слишком ли большой срок? «Столько не живут» — вспомнил он старый дурацкий анекдот.

— Родственники? — переспросила домработница. — Есть младший брат, вроде по театральным делам, писатель, еще две племянницы и племянник, но она их не жаловала. С братом на ножах уже и не упомнишь сколько времени, никогда не звонили друг дружке, даже по праздникам, даже на Новый год. Говорила про брата — дурак с рогами, все время женится на молодых. Я его никогда и не видела. Не понимаю я этого... родные все-таки. Племянника, кроме как бездельник и... сейчас вспомню... слово такое, не наше... я еще спросила, а она отвечает: ничтожество. Лузер! Во-во, лузер. Кроме как бездельником и лузером, никогда не называла. Отношения были только со старшей, Ларисой, тоже по судейским делам, только не судья, а адвокатша вроде, свое дело. Они даже похожи между собой, и характер одинаковый. Незамужняя, в годах, уже не девочка. Одевается как старуха. Нина Владимировна смеялась над ней, говорила, что ж ты как старуха, у меня и то тряпки поярче будут, звала по лавкам, пошли, говорит, подберем тебе что путное, а то так старой девой и помрешь, а тебе еще замуж идти. А Лариска губы закусит, нахмурится, тетя, говорит, давайте оставим тему моего замужества, а голос-то, голос! Как у генерала, только команды отдавать. Какой замуж, прости господи! Кто ж посмеет с такой — страшно! Серьезная, не улыбнется никогда, слова доброго не скажет. Как зыркнет — аж на душе меркнет. Одно слово — судейская. Приходила, приносила печенье или цукаты, Нина Владимировна любила овсяное печенье, такое только в гастрономе на площади, «дельвита» называется. Гоняли чай да свои дела обсуждали — законы, всякие известные случаи, убийства в городе... словом, как в газете — кри-

минальные хроники. И так и сыплют всякими словами учеными, перебивают друг дружку, до хрипоты, чуть не до драки. Наследница. Нина Владимировна ей все отписала. Родственная душа, можно сказать, она ей вроде дочки была. Да вот она, на фото, чай пьют. Лариса...

— А вторая племянница? — спросил майор Мельник.

— Ну, та совсем девчонка, про нее и разговора никогда не было. Ничего про нее не знаю. Да и не видела ни разу.

— Кто забирает почту? Вот эти открытки, помните, может, хозяйка при вас их рассматривала, что-то говорила... — спросил майор Мельник.

— Про открытки ничего не знаю, — наморщила лоб Елена Степановна. — Я вынимаю почту, может, и было чего, да я не заметила. Не мое дело. Сейчас много чего бросают, я все приносила, складывала на тумбочке в прихожей в стопочку, она потом разбирала. Она их не выбросила, видать, что-то важное. Не знаю.

Что-то важное. Видать.

Глава 3

Из дальних странствий возвратись...

Дождь лил как из ведра. Ветер мотал водяными струями, с размаху швыряя их в стены и в неосторожных прохожих, которых сподобило высунуть нос из дома. Было очень холодно, даром что только начало ноября. Крупный мужчина с громадным рюкзаком за плечами остановился у многоэтажки номер двенадцать по улице Вокзальной. Застыл на секунду, вспоминая код, потом решительно потыкал в кнопки. Замок щелкнул, и дверь отвори-

Конец земной истории

лась. Мужчина ступил внутрь, отряхнулся, чем напомнил большого пса, и потопал на третий этаж, проигнорировав лифт по причине малого пространства. Постоял под дверью, унимая волнение, и нажал на красную кнопку звонка. Он слышал, как в квартире раздалось глухое дребезжание, потом топот детских ног, и наконец тонкий детский голосок спросил: «Кто там?»

— Олечка! — радостно закричал мужчина. — Это дядя Олег! Открывай скорей!

— Сейчас! Дядя Олег, не уходи! Сейчас я открою!

Дверь распахнулась, и мужчина подхватил на руки малыша лет четырех, который стоял на табурете.

— Олечка, привет! А где родители и девчонки?

— Мама пошла в магазин, папа на работе, Марка и Куся в школе. Дядя Олег, ты уже приехал?

— Приехал!

— А подарок?

— Есть и подарок, как же без подарка. Давай запрем дверь и поговорим, как мужик с мужиком...

...Здесь мы несколько отвлечемся от текущих событий и расскажем читателю, кто такой путешественник, что подошел к дому номер двенадцать по улице Вокзальной пятнадцать минут назад. Олег Христофорович Монахов приходился старинным другом и одноклассником хозяину квартиры, Жорику Шумейко, и крестным отцом маленькому Олечке, открывшему дверь. Была это вполне незаурядная личность, склонная к частой перемене мест, и жизнь эта личность вела также незаурядную, свободную от скуки, рутины, а также необремененную собственностью и семьей. Другими словами, это была свободная личность. Свободная от обязательств, любимой женщины, детей и коллег по ра-